

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> приятного чтения!

Про это. Владимир Владимирович Маяковский

ПРО ЧТО – ПРО ЭТО?

В этой теме,

и личной

и мелкой,

перепетой не раз

и не пять,

я кружил поэтической белкой

и хочу кружиться опять.

Эта тема

сейчас

и молитвой у Будды

и у негра водрит на хозяев нож.

Если Марс,

и на нем хоть один сердцелюдый,

то и он

сейчас

скрипит

про то ж.

Эта тема придет,

калеку за локти

подтолкнет к бумаге,

прикажет:

– Скреби! –

И калека

с бумаги

срывается в клёкоте,

только строчками в солнце песня рябит.

Эта тема придет,

позвонится с кухни,

повернется,

сгинет шапчонкой гриба,

и гигант

постоит секунду

и рухнет,

под записочной рябью себя погребя.

Эта тема придет,

прикажет:

– Истина! –

Эта тема придет,

велит:

– Красота! –

И пускай

перекладиной кисти раскистены –

только вальс под нос мурлычешь с креста.

Эта тема азбуку тронет разбегом –

уж на что б, казалось, книга ясна! –

и становится

– А –

недоступней Казбека.

Замутит,

оттянет от хлеба и сна.

Эта тема придет,

вовек не износится,

только скажет:

– Отныне гляди на меня! –

И глядишь на нее,

и идешь знаменосцем,

красношелкий огонь над землей знамени.

Это хитрая тема!

Нырнет под события,

в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,

и как будто ярясь

– посмели забыть ее! –

сонно:

– Когда это?

Откуда это живой поросенок? –

Звонок от ожогов уже визжит,
добела раскален аппарат.
Больна она!

Она лежит!

Беги!

Скорей!

Пора!

Мясом дымясь, сжимаю жжение.
Моментально молния телом забежала.
Стиснул миллион вольт напряжения.
Ткнулся губой в телефонное пекло.
Дыры

сверля

в доме,

взрыв

Мясницкую

пашней,

рвя

кабель,

номер

пулей

летел

барышне.

Смотрел осовело барышнин глаз –
под праздник работай за двух.
Красная лампа опять зажглась.
Позвонила!

Огонь потух.

И вдруг

как по лампам пошло куролесить,

вся сеть телефонная рвется на нити.

– 67–10!

Соедините! –

В проулок!

Скорей!

Водопьяному в тишь!

Ух!

А то с электричеством станется –

под Рождество

на воздух взлетишь

со всей

со своей

телефонной

станцией.

Жил на Мясницкой один старожил.

Сто лет после этого жил –

про это лишь –

сто лет! –

говаривал детям дед.

– Было – суббота...

под воскресенье...

Окорочок...

Хочу, чтоб дешево...

Как вдарит кто-то!..

Землетрясение...

Ноге горячо...

Ходун – подошва!.. –

Не верилось детям,

чтоб так-то

да там-то.

Землетрясение?

Зимой?

У почтамта?!

Телефон бросается на всех

Протиснувшись чудом сквозь тоненький шнур,
раструба трубки разинув оправу,
погромом звонков грома тишину,
разверг телефон дребезжащую лаву.
Это визжащее,
звенящее это
пальнуло в стены,
старалось взорвать их.
Звоночкины
тыщей
от стен
рикошетом
под стулья закатывались
и под кровати.
Об пол с потолка звончище хлопал.
И снова,
звенящий мячище точно,
взлетал к потолку, ударившись об пол,
и сыпало вниз дребезгой звоночной.
Стекло за стеклом,
вьюшку за вьюшкой
тянуло
звенеть телефонному в тон.
Тряся
ручоночкой
дом-погремушку,
тонул в разливе звонков телефон.
Секундантша
От сна
чуть видно –
точка глаз
иголит щеки жаркие.
Ленясь, кухарка поднялась,
идет,
кряхтя и харкая.
Моченым яблоком она.
Морщинят мысли лоб ее.
– Кого?
Владим Владимыч?!
А! –
Пошла, туфлём шлепая.
Идет.
Отмеряет шаги секундантом.
Шаги отдаляются...
Слышатся еле...
Весь мир остальной отодвинут куда-то,
лишь трубкой в меня неизвестное целит
Просветление мира
Застыли докладчики всех заседаний,
не могут закончить начатый жест.
Как были,
рот разинув,
сюда они
смотрят на Рождество из Рождеств.
Им видима жизнь
от дрызг и до дрызг.
Дом их –
единая будняя тина.
Будто в себя,
в меня смотрясь,
ждали
смертельной любви поединок.
Окаменели сиренные рокоты.
Колес и шагов суматоха не вертит.
Лишь поле дуэли

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
А может быть...

Наверное, может!
Никто в телефон не лез и не лезет,
нет никакой троглодичьей рожи.
Сам в телефоне.

Зеркалюсь в железе.
Возьми и пиши ему ВЦИК циркуляры!
Пойди – эту правильность с Эрфуртской сверь!
Сквозь первое горе

бессмысленный,
ярый,
мозг поборов,
проскребается зверь.
Что может сделаться с человеком!

Красивый вид.
Товарищи!
Взвесьте!

В Париж гастролировать едущий летом,
поэт,
почтенный сотрудник «Известий»,
царапает стул когтём из штиблета.
Вчера человек –

единым махом
клыками свой размедведил вид я!
Косматый.

Шерстью свисает рубаха.
Тоже туда ж!?
В телефоны бабахать!?
К своим пошел!
В моря ледовитые!

Размедвеженье
Медведем,
на телефон
когда он смертельно сердится,
грудь
на врага тяну.

А сердце
глубже уходит в рогатину!
Течет.
Ручьища красной меди.
Рычание и кровь.
Лакай, темнота!

Не знаю,
плачут ли,
нет медведи,
но если плачут,
то именно так.

То именно так:
без сочувственной фальши
скулят,

заливаясь ущельной длиной.
И именно так их медвежий Бальшин,
скуленьем разбужен, ворчит за стеной.
Вот так медведи именно могут:
недвижно,

задравши морду,
как те,
повыть,
извыться

и лечь в берлогу,
царапая логово в двадцать когтей.
Сорвался лист.

Обвал.
Беспокоит.

Винтовки-шишки
не грохнули б враз.
Страница 6

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Ему лишь взмедведиться может такое
сквозь слезы и шерсть, бахромящую глаз.
Протекающая комната

Кровать. Железки. Барахло одеяло.
Лежит в железках. Тихо. Вяло.
Трепет пришел. Пошел по железкам.
Простынь постельная треплется плеском.
Вода лизнула холодом ногу.
Откуда вода? Почему много?
Сам заплакал. Плакса. Слякоть.
Неправда – столько нельзя заплакать.
Чёртова ванна! Вода за диваном.
Под столом, за шкафом вода.
С дивана, сдвинут воды задеваньем,
в окно проплыл чемодан.
Камин... Окурочок... Сам кинул.
Пойти потушить. Петушится. Страх.
Куда? К какому такому камину?
Верста. За верстою берег в кострах.
Размыло всё, даже запах капустный
с кухни всегдашний, приторно сладкий.
Река. Вдали берега. Как пусто!
Как ветер воеет вдогонку с Ладоги!
Река. Большая река. Холодина.
Рябит река. Я в середине.
Белым медведем взлез на льдину,
плыву на своей подушке-льдине.
Бегут берега, за видом вид.
Подо мной подушки лед.
С Ладоги дует. вода бежит.
Летит подушка-плот.
Плыву. Лихорадуюсь на льдине-подушке.
Одно ощущение водой не вымыто:
я должен не то под кроватные дужки,
не то под мостом проплыть под каким-то.
Страница 7

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Ты, может, к ихней примазался касте?
Целуешь?

Ешь?
Отпускаешь брюшко?
Сам
в ихний быт,
намереваешься пролезть петушком?!
Не думай! –
Рука наклоняется вниз его.
Грозится
сухой
в подмостную кручу.
– Не думай бежать!
Это я
вызвал.
Найду.
Загоню.
Доконаю.
Замучу!
Там,
в городе,
праздник.
Я слышу гром его.
Так что ж!
Скажи, чтоб явились они.
Постановленье неси исполкомово.
Муку мою конфискуй,
отмени.
Пока
по этой
по Невской
по глуби
спаситель-любовь
не придет ко мне,
скитайся ж и ты,
и тебя не полюбят.
Греби!
Тони меж домовых камней! –
Спасите!
Стой, подушка!
Напрасное тщенье.
Лапой гребу –
плохое весло.
Мост сжимается.
Невским течением
меня несло,
несло и несло.
Уже я далёко.
Я, может быть, за день.
За дeнь
от тени моей с моста.
Но гром его голоса гонится сзади.
В погоне угроз паруса распластал.
– Забыть задумал невский блеск?!
Ее заменишь?!
Некем!
По гроб запомни переплеск,
плескавший в «Человеке». –
Начал кричать.
Разве это осилите?!
Буря басит –
не осилить вовек.
Спасите! Спасите! Спасите! Спасите!
Там
на мосту
на Нева

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
человек!

II

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО
Фантастическая реальность

Бегут берега – за видом вид.
Подо мной – подушка-лед.
Ветром ладожским гребень завит.
Летит льдышка-плот.
Спасите! – сигналю ракетой слов.
Падаю, качкой добитый.
Речка кончилась – море росло.
Океан – большой до обиды.
Спасите! Спасите!.. Сто раз подряд
реву батареей пушечной.
Внизу подо мной растёт квадрат,
остров растёт подушечный.
Замирает, замирает, замирает гул.
Глуше, глуше, глуше...
Никаких морей. Я – на снегу.
Кругом – вёрсты суши.
Суша – слово. Снегами мокра.
Подкинут метельной банде я.
Что за земля? Какой это край?
Грен- лап- люб-ландия?
Боль были
Из облака вызрела лунная дынка,
стену постепенно в тени оттеня.
Парк Петровский. Бегу. Ходынка
за мной. Впереди Тверской простыня.
А-у-у-у! К Садовой аж выкинул «у»!
Оглоблей или машиной,
но только мордой аршин в снегу.
Пулей слова матершины.
«От нэпа ослеп?!
Для чего глаза впряжены?!
Эй, ты! Мать твою разнэп!
Ряженный!»
Ах! Да ведь
я медведь.
Недоразуменье!

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Надо –

проходим,
что я не медведь,
Спаситель
Вон
от заставы
идет человечек.
За шагом шаг вырастает короткий.
Луна
голову вправила в венчик.
я уговорю,
чтоб сейчас же,
чтоб в лодке.
Это – спаситель!
Вид Иисуса.
Спокойный и добрый,
венчанный в луне.
Он ближе.
Лицо молодое безусо.
Совсем не Исус.
Нежней.
Юней.
Он ближе стал,
он стал комсомольцем.
Без шапки и шубы.
Обмотки и френч.
То сложит руки,
будто молится.
То машет,
будто на митинге речь.
Вата снег.
Мальчишка шел по вате.
Вата в золоте –
чего уж пошловатей?!
Но такая грусть,
что стой
и грустью ранься!

Расплывайся в процыганенном романсе.
Романс

Мальчик шел, в закат глаза уставя.
Был закат непревзойдимо желт.
Даже снег желтел к Тверской заставе.
Ничего не видя, мальчик шел.

Шел,
вдруг
встал.
В шелк
рук
сталь.

С час закат смотрел, глаза уставя,
за мальчишкой легшую кайму.
Снег, хрустя, разламывал суставы.
Для чего?

Зачем?

Кому?

Был вором-ветром мальчишка обыскан.
Попала ветру мальчишки записка.
Стал ветер Петровскому парку звонить:
– Прощайте...

Кончаю...

Прошу не винить...

Ничего не поделаешь

До чего ж
на меня похож!

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Ужас.

Но надо ж!

Дернулся к луже.

Залитую курточку стягивать стал.

Ну что ж, товарищ!

Тому еще хуже –

семь лет он вот в это же смотрит с моста.

Напялил еле –

другого калибра.

Никак не намылишься –

зубы стучат.

Шерстищу с лапищ и с мордищи выбрил.

Гляделся в льдину...

бритвой луча...

Почти,

почти такой же самый.

Бегу.

Мозги шевелят адресами.

Во-первых,

на Пресню,

туда,

по задворкам.

Тянет инстинктом семейная норка.

За мной

всероссийские,

теряясь точкой,

сын за сыном,

дочка за дочкой.

Всехные родители

– Володя!

На Рождество!

Вот радость!

Радость-то во!.. –

Прихожая тьма.

Электричество комната.

Сразу –

наискось лица родни.

– Володя!

Господи!

Что это?

В чем это?

Ты в красном весь.

Покажи воротник!

– Не важно, мама,

дома вымою.

Теперь у меня раздолье –

вода.

Не в этом дело.

Родные!

любимые!

Ведь вы меня любите?

любите?

да?

Так слушайте ж!

Тетя!

Сестры!

Мама!

Тушите елку!

Заприте дом!

Я вас поведу...

вы пойдете...

Мы прямо...

сейчас же...

все

возьмем и пойдём.

Не бойтесь –

это совсем недалёко –

Страница 12

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
опустошенная легкость!

Домами оскалила скалы далекость.
Ни люда, ни заставы нет.
Горят снега,

и голо.

И только из-за ставенек
в огне иголки елок.
Ногам вперекор,

тормозами на быстрые
вставали стены, окнами выстроясь.
По стеклам

тени

фигурками тира

вертелись в окне,

зазывали в квартиры.

С Невы не сводит глаз,

продрог,

стоит и ждет –

помогут.

За первый встречный за порог
закидываю ногу.
В передней пьяный проветривал бредни.
Стрезвел и дернул стремглав из передней.
Зал заливался минуты две:

– Медведь,

медведь,

медведь,

медв-е-е-е-е... –

Муж Феклы Давидовны со мной и со всеми знакомыми

Потом,

извертясь вопросительным знаком,
хозяин полглаза просунул:

– Однако!

Маяковский!

Хорош медведь! –

Пошел хозяин любезностями медоветь:

– Пожалуйста!

Прошу-с.

Ничего –

я боком.

Нечаянная радость-с, как сказано у Блока.

Жена – Фекла Двидна.

Дочка,

точь-в-точь

в меня, видно –

семнадцать с половиной годочков.

А это...

Вы, кажется, знакомы?! –

Со страха к мышам ушедшие в норы,

из-под кровати полезли партнеры.

Усища –

к стеклам ламповым пыльники –

из-под столов пошли собутыльники.

Ползут с-под шкафа чтецы, почитатели.

Весь безлиций парад подсчитать ли?

Идут и идут процессией мирной.

Блестят из бород паутиной квартирной.

Все так и стоит столетья,

как было.

Не бьют –

и не тронулась быта кобыла.

Лишь вместо хранителей духов и фей

ангел-хранитель –

жилец в галифе.

Но самое страшное:

по росту,

по коже

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
одеждой,

сама походка моя! –
в одном
узнал –
близнецами похожи –
себя самого –
сам
я.

С матрацев,
вздымая постельные тряпки,
клопы, приветствуя, подняли лапки.
Весь самовар рассылся в лучики –
хочет обнять в самоварные ручки.
В точках от мух
веночки
с обоев

венчают голову сами собою.
Взыграли туш ангелочки-горнисты,
пророзовев из иконного глянца.
Исус,

приподняв
веночек тернистый,
любезно кланяется.
Маркс,

впряженный в алую рамку,
и то тащил обывательства лямку.
Запели птицы на каждой на жердочке,
герани в ноздри лезут из кадочек.
Как были
сидя сняты
на корточках,
радушно бабушки лезут из карточек.
Раскланялись все,
ослабились враз;
кто басом фразу,
кто в дискант
дьячком.

– С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
С праз-

нич-
ком! –
Хозяин

то тронет стул,
то дунет,
сам со скатерти крошки вымел.
– Да я не знал!..

Да я думаю, занят...
Дом...
Со своими...

Бессмысленные просьбы

Мои свои?!
Д-а-а-а –
это особы.

Их ведьма разве сыщет на венике!
Мои свои
с Енисея

идут сейчас,
да с оби
следят четвереньки.

Какой мой дом?!
Сейчас с него.
Подушкой-льдом
плыл Невой –

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru

мой дом
меж дамб
стал льдом,
и там...
я брал слова

то страшно рыча,
От выгод –
молил,
то самые вкрадчивые,
то вызвоня лирово.
на вечную славу сворачивал,

грозил,
просил,
агитировал.
– Ведь это для всех...

для самих... для вас же...
Ну, скажем, «Мистерия» –
ведь не для себя ж?!

Поэт там и прочее...
Не только себе ж –
Я, скажем, медведь, выражаясь грубо...
Но можно стихи...
Ведь каждому важен...
ведь не личная блажь...

Подкладку из рифм поставишь –
Потом у камина...
там кофе...
и шуба!..

Дело пустяшно:
но, минут на десять... курят...

Но нужно сейчас,
Похлопать может...
пока не поздно...
Сказать –

надейся!..
Но чтоб теперь же...
чтоб это серьезно... –

Слушали, улыбаясь, именитого скомороха.
Катали по столу хлебные мякиши.
Слова об лоб

и в тарелку – горохом.

Один расчувствовался,
– Поооостой... вином размягший:

Очень даже и просто.
Я пойду!.. поооостой...

Говорят, он ждет... на мосту...
Я знаю...

Пустите! Это на углу Кузнецкого моста.

По углам – Нукося! –

зуд: – Наззз-ю-зззюкался!

Будет нить!
Поесть, попить,
попить, поесть –
и за бб!

Теорию к лешему!
Нэп – практика.

Налей,

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
нарежь ему.

Футурист,

налягте-ка! –

Ничуть не смущаясь челюстей целостью,
пошли греметь о челюсть челюстью.

Шли

из артезианских прорв

меж рюмкой

слова поэтических споров.

В матрац,

поздоровавшись,

влезли клопы.

На вещи насела столетняя пыль.

А тот стоит –

в перила вбит.

Он ждет,

он верит:

скоро!

Я снова лбом,

я снова в быт

вбиваюсь слов напором.

Опять

атакую и вкривь и вкось.

Но странно:

слова проходят насквозь.

Необычайное

стихает бас в комариные трельки.

Подбитые воздухом, стихли тарелки.

Обои,

стены

блёкли...

блёкли...

Тонули в серых тонах офортных.

Со стенки

на город разросшийся

Бёклин

Москвой расставил «Остров мертвых».

Давным-давно.

Подавно –

теперь.

И нету прощя!

Вон

в лодке,

скутан саваном,

недвижный перевозчик.

Не то моря,

не то поля –

их шорох тишью стерт весь.

А за морями –

тополя

возносят в небо мертвость.

Что ж –

ступлю!

И сразу

тополи

сорвались с мест,

пошли,

затопали.

Тополи стали спокойствия мерами,

ночей сторожами,

милиционерами.

Расчетверившись,

белый Харон

стал колоннадой почтамтских колонн.

Деваться некуда

Так с топором влезают в сон,

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
обметят спящелобых –
и сразу

исчезает всё,
и видишь только обух.
Так барабаны улиц

в сон

войдут,

и сразу вспомнится,
что вот тоска

и угол вон,
за ним

она –

виновница.

Прикрывши окна ладонью угла,
стекло за стеклом вытягивал с краю.
Вся жизнь

на карты окон легла.

Очко стекла –

и я проиграю.

Арап –

миражей шулер –

по окнам

разметил нагло веселия крап.

Колода стекла

торжеством яркоогним

сияет нагло у ночи из лап.

Как было раньше –

вырасти б,

стихом в окно влететь.

Нет,

никни к стённой сырости.

И стих

и дни не те.

Морозят камни.

Дрожь могил.

И редко ходят веники.

Плевками,

снявши башмаки,

вступаю на ступеньки.

Не молкнет в сердце боль никак,

кует к звену звено.

Вот так,

убив,

Раскольников

пришел звенеть в звонок.

Гостьё идет по лестнице...

Ступеньки бросил –

стенкою.

Стараюсь в стенку вплесниться,

и слышу –

струны тенькают.

Быть может, села

вот так

невзначай она.

Лишь для гостей,

для широких масс.

А пальцы

сами

в пределе отчаянья

ведут бесшабашье, над горем глумясь.

Друзья

А вороны гости?!

Дверье крыло

раз сто по бокам коридора исхлопано.

Горлань горланья,

оранья орло

ко мне доплеталось пьяное дóпьяна.

Полоса
щели.
Голосá
еле:

«Аннушка –
ну и румянушка!»
ПирогИ...

Печка...

Шубу...

Помогает...

С плечика...

Сглушило слова уанстепным темпом,
и снова слова сквозь темп уанстепа:
«Что это вы так развеселились?
Разве?!»

Слились...

Опять полоса осветила фразу.
Слова непонятны –

особенно сразу.

Слова так

(не то чтоб со зла):

«Один тут сломал ногу,
так вот веселимся, чем бог послал,
танцуем себе понемногу».

Да,

их голосá.

Знакомые выкрики.

Застыл в узнаванье,

расплющился, нем,

фразы крою по выкриков выкройке.

Да –

это они –

они обо мне.

Шелест.

Листают, наверное, ноты.

«Ногу, говорите?»

Вот смешно-то!»

И снова

в тостах стаканы исчоканы,

и сыплют стеклянные искры из щек они.

И снова

пьяное:

«Ну и интересно!

Так, говорите, пополам и треснул?»
«Должен огорчить вас, как ни грустно,
не треснул, говорят,

а только хрустнул».

И снова

хлопанье двери и карканье,

и снова танцы, полами исшарканые.

И снова

стен раскаленные степи

под ухом звенят и вздыхают в тустепе.

Только б не ты

Стою у стенки.

Я не я.

Пусть бредом жизнь смололась.

Но только б, только б не ея

невыносимый голос!

Я день,

я год обыденщине предал,

я сам задыхался от этого бреда.

Он

жизнь дымком квартирошным выел.

Звал:

решишь

с этажей

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
в мостовые!

я бегал от зова разинутых окон,
любя убегал.

Пускай однобоко,
пусть лишь стихом,
лишь шагами ночными –
строчишь,

и любишь стихом,
и становятся души строчными,
а в прозе немею.

Ну вот, не могу сказать,
но где, любимая,
не умею.

где
где – в песне! –
где, моя милая,
где

Здесь
любви моей изменил я?

каждый звук,
чтоб признаться,
чтоб кликнуть.

А только из песни – ни слова не выкинуть.
Вбегу на трель,

на гаммы.
В упор глазами
в цель!

Гордясь двумя ногами,
Ни с места! – крикну. –

Скажу:
Цел! –
– Смотри,

стихами грома обыденщины жуть,
имя любимое оберегая,
тебя
даже здесь, дорогая,
в проклятьях моих
обхожу.

Приди,
разотзовись на стих.
я, всех оббегав, – тут.
Теперь лишь ты могла б спасти.
Вставай!

Бежим к мосту! –
Быком на бойне
под удар

башку мою нагнул.
Сбору себя,
пойду туда.

Секунда –
и шагну.

Шагание стиха
Последняя самая эта секунда,
секунда эта
стала началом,
началом
невероятного гуда.

Весь север гудел.
Гудения мало.

По дрожи воздушной,
по колебанью
догадываюсь –
оно над Любанью.

По холоду,
по хлопанью дверью

догадываюсь –
оно над Тверью.

По шуму –

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
настежь окна раскинул –

догадываюсь –

кинулся к Клину.

Теперь грозой Разумовское зálлил.

На Николаевском теперь

на вокзале.

Всего дыхание одно,
а под ногой

ступени

пошли,

поплыли ходуном,

вздымаясь в невской пене.

Ужас дошел.

В мозгу уже весь.

Натягивая нервов строй,

разгуживаясь всё и разгуживаясь,

взорвался,

пригвоздил:

– Стой!

Я пришел из-за семи лет,

из-за верст шести ста,

пришел приказать:

Нет!

Пришел повелеть:

Оставь!

Оставь!

Не надо

ни слова,

ни просьбы.

Что толку –

тебе

одному

удалось бы?!

Жду,

чтоб землей обезлюбленной

вместе,

чтоб всей

мировой

человечьей гущей.

Семь лет стою,

буду и двести

стоять пригвожденный,

этого ждущий.

У лет на мосту

на презренье,

на смéх,

земной любви искупителем значась,

должен стоять,

стою за всех,

за всех расплачусь,

за всех расплачусь. –

Ротонда

Стены в тустепе ломались

на три,

на четверть тона ломались,

на сто́..

Я, стариком,

на каком-то Монмартре

лезу –

стотысячный случай –

на стол.

Давно посетителям осточертело.

Знают заранее

всё, как по нотам:

буду звать

(новое дело!)

куда-то идти,

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
спа́сать кого-то.
В извинение пьяной нагрузки
хозяин гостям объясняет:

– Русский! –

Женщины –

мяса и тряпок вяза́нки –

смеются,

стащить стараются

за́ ноги:

«Не пойдём.

Дудки!

Мы – проститутки».

Быть Сены полосе б Нево́й!

Грядущих лет брызго́й

хожу по мгле по Се́новой

всей нынче́сти изгой.

Саже́нный,

обсмеянный,

са́женный,

битый,

в бульварах

ору́ через каски военщины:

– Под красное знамя!

шагайте!

по быту!

Сквозь мозг мужчины!

Сквозь сердце женщины! –

Сегодня

гна́ли

в особенном раже.

Ну и жара же!

Полусмерть

Надо

немного обветрить лоб.

Пойду,

пойду, куда ни вело б.

Внизу свистят сержанты-трельщики.

Тело

с панели

уносят метельщики.

Рассвет.

Подымаюсь сенскою сенью,

синематографской серой тенью.

Вот –

гимназистом смотрел их

с парты –

мелькают сбоку Франции карты.

Воспоминаний последним током

тащился прощаться

к странам Востока.

Случайная станция

С разлету рванулся –

и стал,

и на мель.

Лохмотья мои зацепились штанами.

Ощупал –

скользко,

луковка точно.

Большое очень.

Испозолочено.

Под луковкой

колоколов завыванье.

Вечер зубцы стенные выкаймил.

На Иване я

Великом.

Вышки кремлевские пиками.

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
Московские окна

видятся еле.
Весело.
Елками зарождествели.
В ущелья кремлёвы волна ударяла:
то песня,
то звона рождественский вал.
С семи холмов,
низвергаясь Дарьялом,
бросала Тереком
праздник
Москва.
Вздымается волос.
Лягушкой тужусь.
Боюсь –
оступлюсь на одну только пядь,
и этот
старый
рождественский ужас
меня
по Мясницкой закружит опять.
Повторение пройденного
Руки крестом,
крестом
на вершине,
ловлю равновесие,
страшно машу.
Густеет ночь,
не вижу в аршине.
Луна.
Подо мною
льдистый Машук.
Никак не справлюсь с моим равновесием,
как будто с Вербы –
руками картонными.
Заметят.
Отсюда виден весь я.
Смотрите –
Кавказ кишит Пинкертонами.
Заметили.
Всем сообщили сигналом.
Любимых,
друзей
человечьи ленты
со всей вселенной сигналом согнало.
Спешат рассчитаться,
идут дуэлянты.
Щетинясь,
щерясь
еще и еще там..
Плюют на ладони.
Ладонями сочными,
руками,
ветром,
нешадно,
без счета
в мочалку щеку истрепали пощечинами.
Пассажи –
перчаточных лавок початки,
дамы,
духи развевая паточные,
снимали,
в лицо швыряли перчатки,
швырялись в лицо магазины перчаточные.
Газеты,
журналы,
зря не глазейте!

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
На помощь летящим в морду вещам
ругней

за газетиной взвейся газетина.
Слухом в ухо!

Хватай, клевета!
И так я калека в любовном боленьи.
Для ваших оставьте помоев ушат.
Я вам не мешаю.

К чему оскорбленья!
Я только стих,

я только душа.
А снизу:

– Нет!

Ты враг наш столетний.
Один уж такой попался – гусар!

Понюхай порох,
свинец пистолетный.

Рубаху враспашку!
Не празднуй труса! –

Последняя смерть

Хлеще ливня,
грома бодрей,
бровь к брови,
ровненько,
со всех винтовок,
со всех батарей,

с каждого маузера и браунинга,
с сотни шагов,
с десяти,

с двух,

в упор –
за зарядом заряд.

Станут, чтоб перевесть дух,
и снова свинцом сорят.
Конец ему!

В сердце свинец!
чтоб не было даже дрожи!
В конце концов –

всему конец.

Дрожи конец тоже.
То, что осталось

Окончилась бойня.

Веселье клокочет.

Смакуя детали, разлезлись шажком.
Лишь на Кремле

поэтовы клочья
сияли по ветру красным флажком.
Да небо

по-прежнему

лирикой звёздится.

Глядит

в удивленьи небесная звезда –
затрубадурила Большая Медведица.
Зачем?

В королевы поэтов пролезть?
Большая,

неси по векам-Араратам
сквозь небо потопа

ковчегом-ковшом!

С борта

звездолётом

медведьинским братом

горланю стихи мирозданию в шум.
Скоро!

Скоро!

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Скоро!

В пространство!

Пристальней!

Солнце блестит горы.
Дни улыбаются с пристани.
ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ...
Прошу вас, товарищ химик,

заполните сами!

Пристает ковчег.

Сюда лучами!

Пристань.

Эй!

Кидай канат ко мне!

И сейчас же

ощутил плечами

тяжесть подоконничьих камней.

Солнце

ночь потопа высушило жаром.

У окна

в жару встречаю день я.

Только с глобуса – гора Килиманджаро.

Только с карты африканской – Кения.

Голой головой глобус.

Я над глобусом

от горя горблюсь.

Мир

хотел бы

в этой груди горя

настоящие облапить груди-горы.

Чтобы с полюсов

по всем жильям

лаву раскатил, горящ и каменист,

так хотел бы разрыдаться я,

медведь-коммунист.

Столбовой отец мой

дворянин,

кожа на моих руках тонка.

Может,

я стихами выхлебаю дни,

и не увидав токарного станка.

Но дыханием моим,

сердцебиением,

ГОЛОСОМ,

каждым острием вздыбленного в ужас волоса,
дырами ноздрей,

гвоздями глаз,

зубом, исскрежщенным в звериный лязг,

ёжью кожи,

гнева брови сборами,

триллионом пор,

дословно –

всеми порами

в осень,

в зиму,

в весну,

в лето,

в день,

в сон

не приемлю,

ненавижу это

всё.

Всё,

что в нас

ушедшим рабым вбито,

все,

что мелочинным роем

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
оседало

и осело бытом
даже в нашем краснофлагом строе.

я не доставлю радости
видеть, что сам от заряда стих.

За мной не скоро потянете
об упокой его душу таланте.
Меня

из-за угла
ножом можно.

Дантесам в мой не целить лоб.
Четырежды состарюсь – четырежды омоложенный,
до гроба добратся чтоб.
Где б ни умер,

умру поя.
В какой трущобе ни лягу,
знаю –

достойн лежать я
с легшими под красным флагом.
Но за что ни лечь –

смерть есть смерть.
Страшно – не любить,
ужас – не сметь.

За всех – пуля,
за всех – нож.

А мне когда?
А мне-то что ж?

В детстве, может,
на самом дне,
десять найду
сносных дней.

А то, что другим?!
Для меня б этого!
Этого нет.

Видите –
нет его!

Верить бы в загробь!
Легко прогулку пробную.

Стоит
только руку протянуть –

пуля
мигом
в жизнь загробную
начертит гремющий путь.

Что мне делать,
если я
вовсю,

всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей

мир
верил,
верую.

Вера

Пусть во что хотите жданья удлинятся –
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.

До того,
что кажется –
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь

по строчке
в изумительную жизнь.

Мне ли спрашивать –
да эта ли?

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Да та ли?!

Вижу,
вижу ясно, до деталей.
Воздух в воздух,
будто камень в камень,
недоступная для тленов и крошений,
рассиявшись,
выситя веками
мастерская человеческих воскрешений.
Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб.
Книга –
«Вся земля», –
выискивает имя.
Век двадцатый.
Воскресить кого б?
– Маяковский вот...
Поищем ярче лица –
недостаточно поэт красив. –
Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
– Не листай страницы!
Воскреси!
Надежда
Сердце мне вложи!
Кровищу –
до последних жил.
В череп мысль вдолби!
Я свое, земное, не дожил,
на земле
свое не долюбил.
Был я сажень ростом.
А на что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.
Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,
вплющился очками в комнатный футляр.
Что хотите, буду делать даром –
чистить,
мыть,
стеречь,
мотаться,
месть.
Я могу служить у вас
хотя б швейцаром.
Швейцары у вас есть?
Был я весел –
толк веселым есть ли,
если горе наше непролазно?
Нынче
обнажают зубы если,
только чтоб хватить,
чтоб лязгнуть.
Мало ль что бывает –
тяжесть
или горе...
Позовите!
Пригодится шутка дурья.
я шарадами гипербол,
аллегорий
буду развлекать,
стихами балагурия.
я любил...
Не стоит в старом рыться.
Больно?

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Пусть...

живешь и болью дорожась.
я зверье еще люблю – у вас зверинцы
есть?
Пустите к зверю в сторожа.
я люблю зверье.
увидишь собачонку –
тут у булочной одна – сплошная плешь, –
из себя и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая, ешь!
любовь
Может, может быть, когда-нибудь,
и она – дорожкой зоологических аллей
она зверей любила – тоже ступит в сад,
улыбаясь, вот такая, как на карточке в столе.
Она красивая – ее, наверно, воскресят.
Ваш тридцатый век обгонит стаи
сердце раздиравших мелочей.
Нынче недолюбленное наверстаем
звездностью бесчисленных ночей.
Воскреси хотя б за то, что я ПОЭТОМ
ждал тебя, откинул будничную чушь!
Воскреси меня хотя б за это!
Воскреси – свое дожить хочу!
чтоб не было любви – служанки
замужеств, похоти, хлебов.
Постели прокляв, встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.
чтоб день, который горем старящ,
не христарадничать, моля.
чтоб вся на первый крик: – Товарищ! –
оборачивалась земля.
чтоб жить не в жертву дома дырам.
чтоб мог в родне отныне стать
отец, по крайней мере миром,

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
землей по крайней мере – мать.

[1923]

Комментарии

Впервые – журн. «Лэф», 1923, № 1. В том же году поэма вышла отдельным изданием (Госиздат, М.–Пг.).

Создавалась поэма на протяжении двух месяцев (декабрь 1922 – февраль 1923) в комнате, где жил поэт: Лубянский проезд, дом № 3. Теперь в этом доме размещается Государственный музей В. В. Маяковского.

В поэмах «Про это» и «Люблю», утверждая великую силу любви, Маяковский страстно развенчивает мещанство, проникающее в семейные отношения и комкающее своими грязными лапами самое высокое и благородное чувство, данное человеку природой.

Восприятие «Про это» затрудняется метафорической перенасыщенностью языка, в чем некоторые критики усматривали рецидивы поэтики раннего Маяковского и даже возврат к футуризму. Но это необоснованный упрек. Метафорические образы, возникающие в поэме один за другим, являются поэтическим выражением большого внутреннего потрясения лирического героя, противостоящего миру мещанства и отстаивающего свое право на чистую, незапятнанную любовь.

В финале поэмы, представляющем собою своеобразное обращение автора к «товарищу химику» с просьбой воскресить его в ХХХ веке, Маяковский утверждает: мещанству придет конец, люди будущего научатся решать вопросы любви на основе высокой, коммунистической нравственности. Такая убежденность свидетельствует о том, что поэма «Про это» явилась важнейшим идейно-художественным завоеванием не только ее автора, но и всей советской поэзии.

Первое упоминание Маяковского о работе над поэмой содержится в его очерке «Я сам». В главе «23-й год» говорилось: «Написал: «Про это». По личным мотивам об общем быте».

Выступая 3 апреля 1923 года на диспуте в Центральном клубе Московского пролеткульта, Маяковский так определил главную тему поэмы «Про это»: «Здесь говорили, что в моей поэме нельзя уловить общей идеи. Я читал прежде всего лишь куски, но все же и в этих прочитанных мною кусках есть основной стержень: быт. Тот быт, который ни в чем почти не изменился, тот быт, который является сейчас злейшим нашим врагом, делая из нас мещан». В образе лирического героя, являющегося центральным образом поэмы и высоко поднявшего знамя борьбы с бытовым мещанством, нашли отражение живые, конкретные черты самого поэта.

Название первой главы «Про это» перекликается с названием поэмы английского писателя Оскара Уайльда (1856–1900) – «Баллада Редингской тюрьмы», написанной им в тюрьме. Название второй главы («Ночь под рождество») созвучно повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством». Такая перекличка поэмы Маяковского с широко известными в мировой литературе произведениями в какой-то степени характеризует сюжетные особенности поэмы «Про это» – трагическую и фантастическую.

Лубянский проезд – улица в Москве, где жил Маяковский с 1919 года по 1930 год. Теперь – проезд Серова.

Из фабричной марки – две стрелки яркие омололи телефон. – фабричную марку телефонов тех лет изображали две перекрещивающиеся молнии.

Мясницкая – улица в Москве, ныне – улица Кирова.

..времен троглодитских тогдашнее чудище. – Троглодиты – первобытные люди, не умевшие еще строить жилищ и находившие убежище в пещерах; пещерные люди.

Пойди – эту правильность с Эрфуртской сверь! – Эрфуртская – программа германской социал-демократии, принятая в Эрфурте в 1891 году.

..Бальшин, скуленьем разбужен, ворчит за стеной. – Бальшин Ю. Я. (1871–1938) – сосед Маяковского по квартире в Лубянском проезде.

Человек из-за 1-ми лет – лирический герой из поэмы Маяковского «Человек», написанной в 1916–1917 годах, т. е. за семь лет до поэмы «Про это».

Про это. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Впереди Тверской простыня. – Тверская улица – прежнее название улицы Горького в Москве.

К Садовой аж выкинул «у»! – Садовая – улица в Москве.

Бегу... на Пресню, туда, по задворкам. – Пресня – улица в Москве, на которой жили мать и сестры Маяковского.

...совсем недалёко – 600 с небольшим этих крохотных верст. – Расстояние от Москвы до Ленинграда.

...Мама Альсандра Альсеевна – мать поэта, Александра Алексеевна Маяковская (1867–1954).

...кудринскими вышками себе навстречу сам иду... – Кудринские вышки – Кудринская площадь в Москве, ныне площадь Восстания.

Нечаянная радость–с, как сказано у Блока. – «Нечаянная радость» – второй сборник стихов А. А. Блока, вышедший в 1907 году в московском издательстве «Скорпион».

...вместо хранителей духов и фей ангел-хранитель – жилец в галифе. – Здесь осмеивается обывательская тенденция тех домовладельцев, которые из-за боязни уплотнения старались поселить в своих квартирах «ответственных» работников.

Ну, скажем, «Мистерия»... – Имеется в виду пьеса Маяковского «Мистерия-буфф».

Со стенки на город разросшийся Бёклин Москвой расставил «Остров мертвых». – Бёклин, Арнольд (1827–1901) – швейцарский художник-символист, автор картины «Остров мертвых».

...тополя возносят в небо мертвость... Расчетверившись, белый Харон стал колоннадой... – Харон – в древнегреческой мифологии перевозчик умерших душ через подземную реку в царство смерти. Харон и тополя изображены на картине Арнольда Бёклина.

Аннушка – А. Ф. Губанова, домработница.

...сквозь темп уанстепа... вздыхают в тустепе. – Уанстеп и тустеп – западные танцы.

Любань, Тверь (г. Калинин), Клин, Разумовское (Петровское–Разумовское) – станции на пути из Ленинграда в Москву.

На Николаевском теперь... – прежнее название Ленинградского вокзала в Москве.

...как будто с Вербы – руками картонными. – В 20-е годы на московском базаре, который устраивался на Красной площади в «вербную неделю», продавались всевозможные игрушки и украшения.

Один уж такой попался – гусар! – Речь идет о М. Ю. Лермонтове, убитом на дуэли у подножия горы Машук.

...затрубадурила Большая Медведица. – Трубадуры – провансальские странствующие поэты-певцы XI–XIII веков, воспевавшие рыцарские доблести и любовь.

В. Раков

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!